

Разговор за круглым столом. Художник В. Перов. 1866. Фрагмент.

УДК 81'27

Шляхов В.И.

Коммуникативное пространство как среда обитания языка

Шляхов Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

E-mail: shlyakhovv@mail.ru

В статье представлен авторский взгляд, согласно которому коммуникативное пространство языка создано разумом человека и представляет собой среду, где проявляется смысл сказанных или написанных слов.

Ключевые слова: мыслительные процессы, сознание и интуиция, сценарии, фреймы, сознание и подсознание, скрытые смыслы, речевые тактики.

Человек в коммуникативном пространстве

Термин «коммуникативное пространство» общепринят в науке о языке и мышлении. Считается, что коммуникативное пространство – это реально существующая среда для обмена информацией между людьми, которая наполнена бесчисленными ситуациями общения, где люди высказываются или пишут на самые различные темы. До недавнего времени было принято говорить, что язык, функционирующий в этой среде, полностью подчинен законам логики, а системная сторона языка, его синтаксис доступны рефлексии исследователя, поскольку в основе любого высказывания обнаруживаются правила грамматики и лексические значения слов. Эта аксиоматика классической лингвистики дополняется представлениями о том, что общение между людьми, говорящих на одном языке, регулируется не только грамматическими правилами. Можно знать грамматику и не понять, что люди говорят друг другу. Проиллюстрируем эту мысль простым примером. Перед нами диалог, по всей вероятности, разговаривают давние знакомые:

– Как ты?

- Да, так, ничего. Ничего хорошего.
- Что так?
- Все не так, как надо. Сердце, давление, работа, дети. Вчера машину разбил.
- Ничего себе!

Представим, что этот разговор был услышан иностранцем, очевидно, ему, чтобы понять суть разговора, нужно обладать знаниями, выходящими за пределы прямых значений слов и грамматики. Безусловно, сведения о том, как строятся предложения, помогают говорящим понимать усеченные неполные предложения. Например, зная полный состав предложений: *как ты живешь (поживаешь)?* нетрудно понять смысл неполных предложений *Как Ты? Как ты там?* Труднее понимать слова: *да так, ничего*.

В русском языке сложились правила толкования слова *ничего*. В сфере повседневного общения оно означает *довольно хорошо, неплохо*. Со словом «себе» выражение *ничего себе* используется для того, чтобы выразить удивление, недоверие и т.п. Например, слова: *Ничего себе, сказал всю правду!* осмысляются как: *я тебе не верю, сомневаюсь, что ты сказал всю правду*. Слова: *все не так, как надо* означают, что привычный порядок жизни нарушен. Как видно из примеров, понимание высказываний зависит не только от грамматических правил, но и от дополнительных сведений о том, как принято понимать слова, их прямые и переносные значения, проявляющиеся в коммуникативном пространстве.

Грамматика и лексическая система языка являются частью знаний об устройстве языка, эти знания дополняются результатами исследования о том, как язык используется в коммуникативном пространстве. Как известно, изучение языка и его использование в коммуникативном пространстве неразрывно связаны с проблемой мышления. С. Пинкер сказал, что язык является своеобразным окном в мышление¹. Добавим, изучение осознаваемых и «темных» сторон коммуникативного пространства, увеличение знаний в этой области делает это окно более прозрачным.

Понимание того, как устроено коммуникативное пространство, дает возможность понять, что такое язык и что собой представляет сознание. В коммуникативном пространстве мысль материализуется в слова, высказывания, в тексты, которые можно изучать предметно. Филологи и философы, изучая сознание, стремятся ответить на вопросы, зачем человеку нужен язык, зачем были сказаны слова, как происходит процесс понимания речи, почему одни мысли высказываются прямо, а другие иносказательно, как язык влияет на сознание и наоборот и т.п.

Для лингвистов и психолингвистов существует только один путь изучения процессов перехода мысли в слова – они стараются увидеть отпечатки сознательных и интуитивных мыслительных процессов в устной и письменной речи, в структуре слов, идиом, метафор, иносказаний и т.п. Другими словами, этот путь можно назвать реверсивным, так называемым решением обратной задачи, то есть сначала необходимо увидеть, как действует языковая система, передающая мысли человека, а потом сделать выводы о том, что собой представляет мышление. Сложность, вернее, непреодолимая трудность изучения мышления заключается в том, что момент превращения слов в мысли и наоборот не доступен прямому наблюдению.

Философов языка тревожат вечные вопросы: что такое мышление и сознание, какую роль играет язык в сознательных и интуитивных процессах мышления, чем человек отличается от других живых существ. Видимо, только ответив, пусть неполно, на эти вопросы, можно говорить о том, что такое коммуникативное пространство и что в нем происходит.

С давних пор мыслители древности и современности старались дать непротиворечивое название человеку. Известна легенда о споре Платона и Диогена Синопского, произошедшем две тысячи пятьсот лет назад. Платон определил человеческое существо так: человек представляет собой двуногое существо без перьев. Тогда Диоген, собрав учеников, оципал перед ними петуха и сказал: «Вот вам человек по Платону!» Платону пришлось дополнить свое определение уточнением: *Человек – существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях*. Запомним слова «*восприимчивый к знанию, основанному на рассуждениях*». Существуют и другие определения, например, самые распространенные «*Homo sapiens*» (Человек разумный), *Homo ludens* (Человек играющий), наконец, в наше время *Homo loquens* (Человек говорящий). Выходит, что человек в отличие от других живых существ умеет думать, говорить, рассуждать. Платон определил еще одну особенность человека – он умеет накапливать знания, а значит, сохранять и передавать другим разного рода информацию. Отсюда следует, что человек умеет мыслить и с помощью языка транслировать свои мысли другим людям, понимать мысли других людей. Все это нужно человеку для того, чтобы создавать свой мир, социум, отличающийся от природного окружения.

В этих ответах на «вечные» вопросы о человеке и его языке есть значительные пробелы. В них ничего не сказано о другой стороне медали, о том, что, во-первых, человек отнюдь не всегда поступает так, как если бы он был на 100% Человеком разумным, во-вторых, мысли далеко не всегда высказываются прямо, человек может их скрывать, прибегая к иносказаниям, двусмысленностям.

Как известно, слова в коммуникативном пространстве сопровождаются дополнительной информацией о том, кто говорит и зачем, эти сведения позволяют собеседникам уточнить смысл сказанных слов. Позволительно сказать, что смысл слов проявляется в коммуникативном пространстве. На этот процесс понимания смысла влияют многочисленные факторы, например, умение говорящих интерпретировать намерения друг друга, видеть «затекст» слов, то есть скрытые смыслы, содержащиеся во внутренней структуре идиом, метафор, иносказаний. Выявление смысла сказанных или написанных слов – непростая задача для участников общения.

Приведем пример, показывающий, как смысл слов устанавливается в коммуникативной среде. Услышав

¹ Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 8.

слова *Не говори*, никто не задумывается над тем, как оформляется это высказывание и какие смыслы оно приобретает в речи в зависимости от намерений говорящих. Все эти знания усваиваются вне контроля сознания в детстве. Только потом, в школе приходит понимание того что в формальном аспекте лексико-грамматическая конструкция *НЕ ГОВОРИ* представляет собой глагол *говорить* в повелительном наклонении с отрицательной частью НЕ. Считается, что эти слова означают приказ или пожелание, запрещение говорить о чем-то. Например: *Не говори отцу, что я начал курить.*

Приведем другой пример:

– Ну и погода, то снег, то оттепель, ни пройти, ни проехать.

– Не говори.

Эти слова означают «я согласен, не стоит много об этом говорить, все и так ясно, я того же мнения...». Значит, чтобы понимать слова в речи, надо еще многое знать помимо правил грамматики. Оказывается, смысл высказывания проявляется в речевой среде, когда собеседникам становятся ясны цели использования слов. В нашем случае говорящий жалуется на погоду, выражает свое отношение к ней, в свою очередь собеседник решает, что сказать в ответ на жалобу. Он может поддержать мнение собеседника и сказать об этом прямо: *мне тоже надоела эта погода, скорей бы весна* или: *Нам никогда не нравится погода, летом мы жалуемся на жару, зимой на холод.* Или: *У природы нет плохой погоды.*

Совсем другой смысл человек, раздраженный, как ему представляется, попыткой собеседника его обмануть, вкладывает в слова:

Не говори мне, что ты не слышала звонки, что сели батарейки в мобильнике, скажи уж, что не хочешь общаться.

Понятно, что говорящий слышал раньше оправдания, не верит им, хочет знать правду. Замечание *Кто бы говорил.* понимается как недоверие к человеку, который не имеет морального права разглагольствовать, например, о равных возможностях в обществе, о коррупции и т.п.

Вышесказанное указывает на одно из основных свойств коммуникативного пространства – в нем взаимодействуют видимые и скрытые смыслы слов, незаметные, на первый взгляд, трансформации значений, т.е. имплицитные процессы, влияющие на порождение и понимание устной или письменной речи.

Человек обладает удивительной способностью думать одно, а говорить другое. Об этом феноменальном свойстве размышляли в эпоху Просвещения, где, как известно, была популярна мысль о том, что человеческий разум устроен логически, что человек, опираясь на науку и логику, в состоянии построить совершенное общество на разумных и справедливых началах.

Более 200 лет назад Свифт говорил об этой проблеме, описывая вымышленных существ, не знающих лжи:

«Хозяин слушал меня с выражением большого неудовольствия на лице, так как сомнение и недоверие настолько неизвестны в этой стране, что гуингнмы не знают, как вести себя в таком положении. ... когда мне приходилось упоминать о лжи и обмане, то он лишь с большим трудом понимал, что я хочу сказать... Он рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать друг друга и получать сведения о различных предметах; но если кто-нибудь станет утверждать то, чего нет, то назначение нашей речи совершенно извращается, потому что в этом случае тот, к кому обращена речь, не может понять собеседника; он не только не получает никакого осведомления, но оказывается в состоянии худшем, чем неведение, потому что его уверяют, что белое – черное, а длинное – коротко. Этим и ограничивались все его понятия относительно способности лгать, в таком совершенстве известной и так широко распространенной во всех человеческих обществах»¹.

Иными словами, Свифт размышлял над тем, *что происходит в сознании или в подсознании, когда один человек говорит одно, подразумевая совсем другое, а собеседник при всем при этом его понимает.*

Мысли человека выводятся в коммуникативное пространство через устную и письменную речь. Сам говорящий человек, и тем более исследователь, не в состоянии увидеть, «пощупать» превращение мысли в слова. Этот переход мыслей в слова, как говорилось, происходит неосознанно. В свою очередь внимающие участники общения должны понять услышанные или прочитанные слова, а затем слова находят отклик в мыслях и чувствах. Заметим, кажущаяся зеркальность этих взаимозависимых процессов не является простым копированием мыслей друг друга, понимание зависит, например, от подготовленности слушающего воспринимать высказанные мысли, от его возраста, степени развития интеллекта, от эмоционального состояния, от умений «прочитывать» скрытые смыслы в текстах и т.п. Так, если у человека отсутствует чувство юмора, то ему с большим трудом удастся понимать анекдоты, иронию, эвфемизмы.

Человеку присуща способность понимать не только слова, но и всю дополнительную информацию, которая спрятана в словах или их сопровождает. Этой способностью, заметим, компьютеры не обладают.

В поэме Гоголя «Мертвые души» читаем о том, что Чичиков, «проходя переднюю, ... покрутил носом и сказал Петрушке: – Ты бы по крайней мере хоть окна отпер!»². Читатель, даже не знакомый с характерными чертами поведения Петрушки, слуги Чичикова, скорее всего, догадается, что слова сказаны не случайно, становится понятно, что в комнате душно, стоит неприятный запах. Но поскольку дополнительных сведений у читателя нет, то ему недоступен более глубокий смысл слов. Смысл сказанного уточняется, если читатель познакомится с текстом, где говорится о привычках Петрушки:

«...спать не раздеваясь, так, как есть в том же сюртуке, и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух... так что достаточно было ему пристроить где-нибудь свою кровать, хоть даже в не-

¹ Свифт Д. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера. М.: ЭКСМО, 2007. С. 322.

² Гоголь Н.В. Мертвые души // Собр. соч.: В 6 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1959. Т. 5. С. 137.

обитаемой дотоле комнате... и уже казалось, что в этой комнате лет десять жили люди»¹.

Эта текстовая информация служит для читателя своеобразным справочным материалом, архивом, с которым сверяется читатель, чтобы понять скрытый смысл в словах Чичикова. Примерно так человек использует знания об устройстве окружающей среды, социума, о языке, чтобы понимать устную и письменную речь.

Итак, все же можно сказать, что человек – это уникальное существо, сумевшее переделать для себя природное окружение, создать «на лоне» природы не только «комфортные» условия жизни, но и особую среду, удобную для функционирования языка. Это постоянно расширяющееся пространство похоже на ноосферу, как ее видел В.И. Вернадский.

Видимые и скрытые грани коммуникативного пространства в сценарно-фреймовом рассмотрении

Разработанная в последнее время сценарно-фреймовая теория речевого общения, ее исследовательские практики позволяют ученым всесторонне изучать видимые и скрытые параметры коммуникативного пространства. Напомним, что эта теория представляет собой соединение психолингвистической, прагматической, фреймовой концепций порождения и понимания письменной и устной речи (А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, М. Минский, Дж. Серль). Аксиоматикой этой теории признаются следующие положения: в коммуникативном пространстве функционируют речевые акты, действия, обслуживающие большие и малые эпизоды общения. Эти действия материализуются, выводятся на поверхность в коммуникативное пространство, превращаясь в малые и большие тексты.

Одна из особенностей речевых действий состоит в том, что они способны образовывать речевые цепи, эти цепи называются сценариями. На конфигурацию речевых цепей влияют многочисленные факторы, например, представления говорящих о возможных вариантах развития речевого сюжета. Например, поссорившись, люди способны примириться или остаться врагами надолго. Вспомним в этой связи бессмертное произведение Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Следовательно, сценарий «Ссора» способен в коммуникативном пространстве превращаться и в кухонную ссору, в простое «сам дурак», и в высокохудожественное произведение.

В свернутом виде сценарии, сбросив словесную оболочку, преобразуются в матрицы, скрипты, фреймы, они погружены в подсознание и, как правило, не осознаются. Видимо, эти внутренние скрытые ментальные структуры содержат не только сведения энциклопедического характера, но правила разворачивания матриц в вербальные произведения, в текст. Направление мыслей, то есть динамический аспект общения, также подчиняется скрытым установлениям. Не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что все речевое поведение человека детерминировано свернутыми матрицами, схемами и сценариями, упрямыми в подсознание. Человек волен, сообразуясь со своими моральными установками выбирать свой «речевой» путь, наполнять матрицы собственным словесным материалом. Творчество писателей и поэтов прямо указывает на то, что человек способен освобождаться от власти стереотипов речевого мышления.

Например, если человек начинает думать или говорить о будущем, то он пользуется фреймом, в котором заложены не только сведения энциклопедического характера, т.е. представления о том, что такое будущее, каким оно бывает, но и операционные предписания о том, по каким векторам могут развиваться события и мысли по этому поводу: по оптимистическому или пессимистическому сценарию. Другими словами, человек говорящий заранее знает, что думать и говорить о том, что может приключиться с людьми в далеком и недалеком будущем. Человек волен наполнять эти схемы словесным материалом так, как ему захочется, как ему подсказывает разум.

Сходные модели речевого мышления находятся у каждого человека в его индивидуальном сознании и подсознании. Эти схемы, взаимодействуя в коммуникативном пространстве, помогают собеседникам прогнозировать развитие речевых сюжетов, а также, не задумываясь, с огромной скоростью понимать информацию, которая содержится в явном и скрытом виде в словах, в текстах. Собеседники, не задумываясь, постоянно сверяются с внутренним архивом знаний о том, что можно ожидать от собеседника, который говорит на определенную тему или выражает свое отношение к происходящему в коммуникативном пространстве.

Эти схемы реализуются в устных и письменных текстах неисчислимым количеством раз, с разной степенью сложности. Вспомним в этой связи повседневные слова *светлое будущее* и *никто не знает, что нас ждет впереди* и, с другой стороны, сложные рассуждения основоположников научного коммунизма о будущем человеческого общества. Целое направление в кинематографе и в прозе в стиле «фэнтэзи» также реализует эти ментальные идеальные схемы.

Покажем, как в романе А.М. Терехова «Немцы» адвокат рассуждает о будущем клиента, о том, какие у него будут отношения с дочерью в старости:

«Годы прошли, и вот – она идет к вам, а вы – седой и моложавый, такой загорелый, как вот я сейчас, катаетесь на квадроцикле, подтягиваетесь двадцать раз, особняк под пальмами, квартира в Лондоне и тотчас же – еще одна квартира в Лондоне, уже для нее, – запах денег и власти, и ключики от мира вот они, у вас, но вам для нее не жалко: дочка подрастет, повзрослеет, постучится, и вы – весь мир откроете ей... А если время не оправдает ваших надежд? И не сыграет за вас? А просто пройдет, равнодушно всех сминая, как проходит, – он протяженно произнес, – в абсолютном большинстве случаев, и вы где-то в скромной двушечке с небольшой кухней, а может, и – сдали квартиру и перебрались на шесть соток, в домик, туалет за сараем, сильно потрепало вас, очень болит нога, ничего не сделаешь, время настало чему-то всё время болеть – у вас болит нога, да-а... И в спину вступает. Не каждое утро и встанешь... В новой семье тоже всё как-то непросто у вас... Не задалось, да уж ничего

¹ Там же. С. 20.

не изменишь... Сынок, например, новый попивает, либо – очень простой такой получился человек... А всё это – особняки, Средиземноморье, машины марки «мерседес», это всё как раз получилось там, у вашей бывшей супруги, и у вашей дочери есть, а вы – сидите на табуретке, боретесь с мухами, отдыхаете от прополки картофеля, но опрятный, конечно, следите за чистотой рубашек, вот только если зубы немного подзапустили... Так это разве удержишь при ограниченности средств... Звуки раздаются при еде такие... щелкающие... Стесняетесь при посторонних кушать. Яблоко приходится вот так тоненько нарезать. А вы – очень любите яблоки! ...Ну хорошо – один раз! – заедет. Но так, что лучше бы и не заезжала. Так, что станет ясно: в следующий раз – на ваши похороны. Да и то если не будет в Бразилии в это время, там один перелет... Юные девы, мы с вами это знаем, жестоки. Понимаем почему: короток их день. Они и спешат, пока не стемнеет...»¹.

В этом тексте художественного произведения, как в бесчисленных других романах, рассказах, письмах, разговорах содержится так называемая невидимая и неосознаваемая «темная материя» подразумеваемых смыслов. Особые методики исследования, в частности, прагмалингвистический анализ проясняют основные схемы, понятия, предписания, матрицы, регулирующие общение и заполняющие в явной и скрытой формах коммуникативное пространство. Этих матриц очень много, их «видимо невидимо».

Прежде всего, лингвисты выясняют, на какой матричной основе построен устный или письменный текст. Выше уже говорилось, что текст из романа «Немцы» опирается на ментальную схему «предсказания: события, которые нас ожидают в старости». Приемы очищения текста от уникальных авторских особенностей, от всего, что придает тексту индивидуальность, приближают исследователя к ядерной схеме. В результате действий упрощения проявляется «костяк» текста, выявляются и обозначаются речевые действия, намерения говорящих. Очевидно, что при таких операциях уничтожается художественность текста, ее приносят в жертву для того, чтобы понять закономерности порождения и понимания текста. Упрощенный текст может быть представлен в следующем виде.

Действующие лица – адвокат и клиент. Цель адвоката – убедить клиента действовать решительно, не считаться ни какими моральными ограничениями для того, чтобы победить в тяжбе. Для того чтобы убедить героя романа действовать подобным образом, адвокат предсказывает трагические события, которые могут произойти в жизни клиента, если он будет действовать по-иному.

Векторы развития событий таковы:

1. У нашего героя «жизнь удалась», у него есть деньги, он ожидает, что дочь к нему вернется, подразумевается, что богатство отца откроет для дочери весь мир и отношения между ними наладятся.
2. Во втором сюжете живописуется бедность клиента, наступает бедность: двухкомнатная квартира, которую приходится сдавать, шесть соток земли, работа на участке, болезни. Второй брак не удается, ребенок во втором браке не оправдывает надежд отца. Дочь от первого брака встречается с отцом редко, к герою приходит понимание, что дочери он не нужен, наступает одиночество. Конец жизни не за горами.

Если продолжить операции упрощения, то появятся слова-понятия, определяющие благополучие и несчастье: *бедность, болезни, одиночество versus богатство, благополучие, здоровье, семья*. Каждое из этих слов содержит во внутренней структуре ёмкие смыслы, которые по воли авторов могут быть вербализованы и превращены в сложные тексты.

Сферы сознания и подсознания становятся мишенями для словесного воздействия, нашему персонажу романа предлагается выбрать, как себя вести, чтобы победить в суде, чтобы наладить отношения с дочерью. Видимо, инстинкт самосохранения подталкивает всех и каждого избрать путь, который приводит к богатству, благополучию, здоровью и т.п. Вопреки опыту и знанию о конечности жизни, в глубине души люди уверены, что все плохое не для них, что они, говоря языком Булгакова, не «смертны внезапно», что они достойны жить долго и счастливо. Приходится согласиться, что адвокат владеет техникой убеждения, применяя речевые тактики воздействия на скрытые глубинные морально-эмоциональные сферы подсознания.

Сказанное ставит вопрос о сферах сознания и подсознания, которые попадают под воздействие прочитанных или сказанных слов. Они, как известно, влияют на поведение, эмоции, убеждения и мнения окружающих людей. Воздействие осуществляется через речевые тактики и стратегии. Не вдаваясь в сложные рассуждения о структуре и устройстве речевых стратегий, перечислим их. Стратегий немного, всего три: стратегия доминирования, сотрудничества и сопротивления. Используя стратегию доминирования, инициатор разговора из эгоистических или альтруистических побуждений старается повлиять на поведение, чувства, на сведения и запас знаний собеседника. Перед слушающим открываются три пути реагирования на словесное воздействие – сопротивляться, сотрудничать или перехватывать инициативу в разговоре.

Остановимся на стратегии, в основе которой лежат далеко не альтруистические намерения говорящего. Никто из них не начинает разговор со слов, «сейчас я хочу вас обмануть, повлиять на ваше поведение, ваши эмоции. Все эти намерения обычно скрываются, хитроумно маскируются, они с трудом осознаются, поскольку «нацелены» на подсознательные, подспудные умственно-эмоциональные образования. Вспомним в этой связи, как неведомая жадность жителей губернского города позволила Чичикову их обманывать и проводить неслыханную аферу по покупке-продаже мертвых душ, никому не нужного и ничего не стоящего в денежном выражении товара.

Стратегии обслуживаются речевыми тактиками, их количество неисчислимо, они подразделяются на так-

¹ Терехов А.М. Немцы. М.: АКМ, 2013. С. 244–245.

тики прямого действия и косвенного воздействия. Например, в рекламных текстах отсутствуют слова: *иди и купи, я хочу тебя заставить купить мой товар*. Недавно появилась реклама банка, ее содержание, примерно, такое: *тысячи и тысячи людей пользуются нашими услугами, тысячи нам доверяют, тысячи людей не могут ошибаться*. Понятно, что реклама эксплуатирует инстинкт подражания, «стадное чувство», которое с трудом поддается саморефлексии.

Эвфемизмы, ирония, намеки, умолчания, метафорические высказывания как речевые тактики непрямого действия. В связи со сказанным выше необходимо обсудить вкратце вопрос о том, какие речевые средства обслуживают тактики непрямого действия. Для того чтобы скрыть, замаскировать свои мысли, человеческий ум изобрел многочисленные косвенные фигуры речи. Суть их одна – говорить одно, а подразумевать совсем другое. Перечислим основные фигуры косвенных речевых построений. Это эвфемизмы, иронические высказывания, намеки, нарочитое сокрытие или искажение информации, двусмысленности, уклончивые ответы и др. Метафорические построения, отдельные метафоры и метафоры в идиомах занимают также не последнее место в этом перечне.

Роль лидера среди фигур непрямого общения принадлежит эвфемизмам. Напомним, что эвфемизмы преимущественно используются с целью смягчения вербальной передачи мыслей о табуированных, «заветных» темах. Эти ограничения вызваны разными причинами, их много, например, к ним относятся «запретные темы» в разговоре взрослых с детьми. Поскольку темы деторождения, детали этого процесса, не принято обсуждать с детьми, то всем известен ответ взрослых на вопрос ребенка о своем появлении на свет: *«Тебя нашли в капусте»*, в других культурах говорят: *Тебя принес журавль*. Этот эвфемизм превращается в ироническое высказывание, если его используют люди, осведомленные о семейном положении матери новорожденного:

- Она недавно была в декрете. Ты знаешь, кто ее муж?
- Не знаю, скорее всего, ребенка в капусте нашла.

Покажем, как осуществляются когнитивные действия понимания эвфемизмов в коммуникативном пространстве. Осознанно или нет все люди применяют одинаковые приемы опознания и толкования эвфемизмов. Опираясь на свои сведения о предмете разговора, отгадывая цели собеседники, все говорящие ищут ответ на вопросы *Зачем были сказаны эти слова? Какие цели преследует визави, пряча свои намерения в одежде эвфемии?* Покажем, что подразумевают говорящие в следующем диалоге:

- Ты что такой хмурый сегодня, нездоровится?
- Со здоровьем все в порядке, вот финансы поют романсы.
- Сочувствую, но сам на мели. Могу дать совет, надо переждать, а то, как говорит народная мудрость, берешь чужие и на время, отдаешь свои и навсегда.
- Спасибо за совет, да советами сыт не будешь.
- Извини, не могу соответствовать.

Восприняв шуточную рифмованную фразу *Финансы поют романсы*, русскоговорящие не задумываясь, понимают ее как сообщение о трудном материальном положении человека, о том, что у кого-то нет денег «на жизнь». Прогнозируя развитие речевых событий, мы вправе предположить, что после этих слов последует просьба дать деньги в займы, оказать материальную помощь (опять эвфемизм!). Эта мысль об отсутствии денег передается во многих случаях эвфемистично: *материальное положение оставляет желать лучшего, оно далеко от благополучного, временные материальные затруднения, в семейном бюджете образовались прорехи* и т.п. Фраза «не могу соответствовать» также эвфемистична, она означает *Я прошу прощения за то, что не оправдал твоих надежд, что не могу поступать так, как принято в данных ситуациях*.

В русском языке недовольство тем, что люди предпочитают благодарить, вместо денежного вознаграждения, выражается словами: *«Спасибо» на хлеб не намажешь, в карман не положишь*. Эти довольно банальные рассуждения приводились с одной целью – показать, как невероятно быстро собеседники, говорящие на родном языке, понимают всю явную и скрытую информацию в коммуникативном пространстве. По-другому дело обстоит с иностранцами, для них простота и быстрота понимания этого диалога достигается многими годами упорного труда. Ученые-кибернетики, старающиеся научить машину понимать фигуры непрямого общения, сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями. Если компьютеры могут различать информацию о реальном положении предметов в пространстве, например, о том, что магазин за углом, а кофе на полке справа, то семантическую сложность фразы «я на мели» невероятно трудно запрограммировать.

Метафоры, эти малые фигуры косвенной коммуникации, также плотно заполняют коммуникативное пространство, как и перечисленные выше эвфемизмы, намеки, ирония и т.п. Какую же информацию надо заложит в память компьютера, чтобы научить его понимать метафорическое построение «находиться на мели» в значении «находиться в затруднительном материальном положении»?

Слово *мель* в словарях обозначается как неглубокое место в реке, озере, море. Нелогично просить дать займы деньги, если вы находитесь, например, в лодке, которая села на мель. Говорящие, встретившись с выражением «я на мели», начинают сверяться с архивом сведений о ситуации в окружающем мире, которое можно описать с помощью этих слов. Понятно, что денежные затруднения ни имеют ничего общего с ситуацией, в которой очутились плывущие по реке или морю. Буквальное прочтение слов не проясняет смысл сказанных слов. Затем подключаются дополнительные когнитивные действия, которые восстанавливают смысл сказанного, поскольку известно, что люди, севшие на мель в водном окружении, находятся весьма в затруднительном положении и вынуждены прилагать усилия, чтобы сняться с мели. Это понимание сближает представления о положении на воде и в мире денег. Конечно, физическая обстановка общения помогает ответить на вопрос, что люди имеют в виду, когда говорят, что они на мели. Если метафора часто воспроизводится в других эпизодах общения, то ее смысл закрепляется в сознании, минуя сознательные процедуры понимания. «Иначе говоря, индивидуальное сознание каждого члена общества заполнено знаниями, которые являются для всех носителей

конкретного языка и культуры общими, что позволяет достигать взаимопонимания»¹.

Можно предположить, что слушающий, встретив метафорическое построение, проделывает путь, обратный тому, какой проходят когнитивные процедуры, предназначенные для построения метафор. Так, чтобы выстроить метафору со значением «находиться в затруднительном материальном положении», нужно отбросить все ненужные сведения о воде, о плавучих средствах, о действиях, которые помогают сняться с мели и к представлению о затруднительном положении прирастить знания о денежных отношениях.

Таким образом, вырисовывается понятие «семантического сита», устроенного, как нам представляется, следующим образом. Для того чтобы создать новый образ, поименовать с помощью старых средств новое в мире, в коммуникативном пространстве человек Говорящий, опираясь на известные признаки исходного слова или выражения, просеивает их для того, чтобы из пригодного семантического материала создать метафору. Отсюда следует, что приемы «перекомпоновки» исходного языкового материала открывают обратную перспективу, если мы знаем, какими признаками слово-донор одарил метафору, то мы можем, производя операции «распаковки» метафоры, понять, как устроена метафора и установить связи метафоры со смыслами, общими для слова-донора и самой метафоры.

* * *

В этой статье говорилось о коммуникативном пространстве, особой среде, в котором происходит устное и письменное общение. Коммуникативное пространство – уникальное явление в природном мире, оно создано разумом и руками человека. Это пространство постоянно расширяется и никогда не молчит, поскольку радио, телефон, интернет постоянно транслируют мысли и эмоции человека на любые расстояния. В этом пространстве материализуются мысли людей, это значит, что изучая то, что происходит в коммуникативной среде, ученые получают доступ в закрытый мир индивидуального и коллективного мышления.

Коммуникативное пространство является, возможно, одной из стадий становления ноосферы по Вернадскому – в том смысле, в каком ученый считал, что ноосфера – та конечная стадия развития биосферы, которая создается человеком, та стадия, на которой разум будет оказывать планетарное влияние на все сущее на Земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Мертвые души // Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1959.
2. Далецкий Ч.Б. Пространство современной риторической культуры и риторизация культуры // Пространство и Время. 2012. № 2(8). С. 45–52.
3. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
4. Свифт Д. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера. М.: ЭКСМО, 2007.
5. Терехов А.М. Немцы. М.: АКМ, 2013.
6. Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики 2009. № 2(10). С. 22–29.
7. Шляхов В.И. В мире метафор. В поисках скрытых смыслов // Вестник МАПРЯЛ. 2007. № 52. С. 30–37.
8. Шляхов В.И. Речевая деятельность: феномен сценарности в общении. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
9. Шляхов В.И. Сценарии, стратегии и тактики русского речевого взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования. Язык и специальность». 2008. № 1. С. 24–28.
10. Шляхов В.И., Ситникова Д.М. Метафоры и прагматика в семантическом поле «Отрицательные эмоции» // Вестник МАПРЯЛ. 2012. № 70. С. 21–28.
11. Minsky M. “Why People Think Computers Can't.” *AI Magazine* 3.4 (1982): 3–15.
12. Minsky M. “Logical Versus Analogical or Symbolic Versus Connectionist or Neat Versus Scruffy.” *AI Magazine*. 12.2 (1991): 34–51.
13. Pinker S. “Language as an Adaptation to the Cognitive Niche”. *Language Evolution: States of the Art*. Eds. Christiansen M., Kirby S. New York: Oxford University Press, 2003, pp. 16–37.
14. Pinker S. “So How Does the Mind Work?” *Mind and Language* 20.1 (2005): 1–24, doi: 10.1111/j.0268-1064.2005.00274.x
15. Pinker S., Nowak M.A., Lee J.J. “The Logic of Indirect Speech.” *Proceedings of the National Academy of Sciences USA* 105.3 (2008): 833–838.
16. Searle J.R. *Consciousness and Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
17. Searle J.R. *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press, 1997.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Шляхов, В. И. Коммуникативное пространство как среда обитания языка / В.И. Шляхов // Пространство и Время. — 2013. — № 4(14). — С. 86—92.

¹ Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики № 10. 2009. С. 18.